

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОЛОНИАЛИЗМА

Колониальное наследие является и сегодня предметом споров как западных, так и российских ученых. Одни считают, что колонизаторы сыграли цивилизаторскую миссию в истории африканских народов, другие, наоборот, утверждают, что колониализм пагубно сказался на постколониальном развитии Африки и отбросил далеко назад самобытное развитие ее народов. В статье автор поставил цель — установить взаимосвязь между современными конфликтами на Африканском континенте и колониальным наследием.

На примере Бельгии и Демократической Республики Конго, где на рубеже XX и XXI вв. возник масштабный транснациональный вооруженный конфликт (1998–2003), анализируются исторические этапы взаимодействия двух стран в контексте метрополии и ее колонии. Учитывая тот факт, что бельгийское влияние распространилось на все сферы жизни конголезцев, включая географическое обозначение границ, политическое устройство, этнические взаимоотношения и многое другое, автор использовал термин «геополитическое наследие». Синтетическая дисциплина геополитика, объединяющая элементы географии, истории, политики, демографии, этнологии и другие знания человечества, как нельзя лучше раскрывает многогранность колониализма, его последствия и влияние на ход современных событий.

Сначала несколько слов о названии статьи. Почему геополитическое наследие колониализма? В словаре «Глобалистика» слово геополитика значит «как синтетическая дисциплина, объединяющая элементы географии, истории, политологии, социологии, демографии, этнологии, экономики <...> ставящая целью изучение историко-географической динамики государств» [Глобалистика 2006: 153]. Это толкование как нельзя лучше подходит к наследию колониализма в разных сферах человеческого бытия.

О последствиях колониализма спорили раньше и продолжают спорить сейчас. Одни отстаивают мнение о цивилизаторской миссии тех, кто покорял Африку, другие утверждают обратное. Довольно яркую оценку колониализму дал сенегальский исследова-

тель К. Дэма: «Колонизация оглушила, словно ударом дубинки, традиционные общества и направила их эволюцию по иному пути» [Dème 1966: 11–31]. Этот тезис доказывают различные теории вроде патернализма, покровительства, опекунства и прочих, которые искусно изобретали бельгийские колонизаторы для прикрытия своих интересов в Африке. Они нанесли ощутимый урон конголезским народам, вводя их в заблуждение. Зависимая от Бельгии колония даже носила парадоксальное название «независимое государство».

Колониальная система сыграла опасную роль в становлении социально-политических отношений в Конго, что отразилось на современных трибальных отношениях. В первую очередь это относится к возвышению одних этносов и принижению других, а в результате — нарушению главного принципа мирного сосуществования народов Африки — равенства. Оно было золотым правилом в сфере человеческих отношений. В этой связи Крайфорд Юнг отмечал, «что малейшее событие в повседневной жизни возвышения одних над другими могло стать предлогом дискриминации» [Ndaywel 1998: 471]. В Конго были известны своеобразные этнические иерархии. Одни этносы относили к более интеллектуальным, другие — к менее интеллектуальным. Так, в Леопольдвиле (совр. Киншаса) нгала, как и в Элизабетвиле (совр. Лубумбаши) бакасаи, возвышались над автохтонными народами Конго и занимали более высокую ступень в иерархической лестнице. Конголезцы были чувствительны к этой проблеме, в результате чего возникали трибальные войны.

Характерен пример с народностями лулува и луба в провинции Касаи. Их противоречия были спровоцированы вмешательством колонизаторов в межэтнические дела. В ходе колонизации отмечалась определенная радикализация позиции лулува по отношению к колониальной системе. Они не воспринимали новые порядки колонизаторов и как могли сопротивлялись процессу европейского окультуривания, предпочитая жить по традиционным законам. В отличие от них луба, лишившиеся своего государства с одноименным названием, были подвержены модернистским веяниям. Они занимали главенствующие посты во всех сферах: в местной администрации, на предприятиях, в школах, — в то время как лулуба отказывались угождать колонизаторам. В итоге к 50-м годам XX в. луба в г. Лулуабург (совр. Кананга) составляли 56 % против 25 % лулува. Последние сочли, что они являются жертвой луба, которые, по их мнению, мешали им занимать руководящие должности

на их исторической территории. В 1959 г. проявления радикального национализма со стороны лулува привели к созданию общества «Братья лулува». Их борьба была поддержана колониальной администрацией, которая «отвернулась» от преданных им луба. Игра на межэтнических противоречиях со стороны бельгийцев привела межэтническое напряжение к пароксизму, и война стала неизбежной [Ndaywel 1998: 471].

Иногда выделение в группу привилегированных социумов происходило не по этническому признаку. Один из членов экспедиции Торде-Джос в Конго Хилтон-Симпсон в 1908 г. писал, что население в населенном пункте Лусамбо было сильно перемешано и не принадлежало ни к одной деревне, ни к одному племени. Их в насмешку называли «негры высшей категории» [Ndaywel 1998: 470]. Они пользовались привилегией и покровительством белых людей. Это могли быть солдаты Форс публик, скупщики пальмисты (пальмовых орехов, из которых изготавливают пальмовое масло), посыльные, сборщики каучука или строители железной дороги. Несмотря на то что Лусамбо населяли люди различных этносов, они трудились в одном географическом регионе и их объединяло одно место работы. Другим примером вмешательства колониальных властей в традиционные устои африканцев было создание так называемых приоритетных промышленных районов. Например, месторождения, где добывали уран или олово, по статусу были выше районов, где производилось пальмовое масло. Там были лучше условия труда и оплаты, модернизировалась техника и инфраструктура. Это вызывало зависть и раздражение у соседей менее развитых регионов и подпитывало соперничество между трибальными обществами.

В результате выделения отдельных групп африканцев, которые пользовались поддержкой у колонизаторов и которым предоставлялась возможность учиться в высших учебных заведениях, образовалась африканская интеллигенция, так называемые «эволюэ», в переводе с французского — продвинутые или развитые. «В целом “эволюэ” были своеобразной социальной группой, занимавшей некое срединное положение в обществе между горсткой европейцев-колонизаторов и огромной массой неграмотных соотечественников. Первым “эволюэ” подражали, ко вторым относились скорее снисходительно. Противоестественность, уродливость такой промежуточной позиции порождали немало личных трагедий. Будучи прямым порождением колонизации, они в то же время являлись ее пер-

вой духовной жертвой» [Летнев 1983: 26]. Бельгийский исследователь А. Бильсен в 1958 г. в одном из своих исследований писал: «В эпоху 1954–1956 годов Конго и Руанда-Урунди нам казались “немыми”. Никто публично не выражал своих желаний [быть независимыми. — Г.С.]. Тем не менее в латентной форме африканские элиты быстро эволюционировали к эмансипации» [Bilsen 1958: 7]. Подробная история возникновения «эволюэ» и их роль в формировании национального сознания африканцев изложена в труде А.Б. Летнева «Общественная мысль в Западной Африке».

Когда речь заходит о наследии колониализма, часто объектом дискуссий становятся границы между африканскими государствами. А.З. Зусманович, автор фундаментального труда по истории Бельгийского Конго, писал по этому поводу, что границы, намеченные в ходе Берлинской конференции 1884–1885 гг., были установлены на африканской земле вооруженными отрядами колонизаторов и окончательно закреплены решениями конференции в Брюсселе в 1890 г. В результате колониальной политики в Бельгийском Конго оказалось большое число этносов с различными традиционными культурами. С другой стороны, территории таких народов, как балуба, баконго, балунда, батетела, были рассечены административно-политическими границами и оказались во владениях двух или трех государств. «Это было кровавое, насильственное вмешательство в нормальный исторический процесс формирования и развития народов Центральной Африки» [Зусманович 1962: 9]. Другой автор по этой тематике, А.А. Орлова, писала, что особенностью современной политической карты Африки стала «необычайная чересполосица колониальных владений <...> Выкраивая себе наиболее лакомые куски территории, колонизаторы меньше всего считались с интересами местных народов» [Орлова 1958: 4].

Наиболее чувствительными оказались границы на востоке Конго, где сосредоточены богатейшие залежи полезных ископаемых. Граница между Бельгийским Конго и Руандой была обозначена в бельгийской Конвенции от 11 августа 1910 г. и утверждена законом 14 июня 1911 г.

Относительно того факта, что границы проводились без учета этносов, известный исследователь Африки М.В. Райт делает уточнение. «Следует оговориться, — пишет она, что представление о том, что раздел Африки совершался полностью без учета этнических границ, несколько преувеличен. В ряде случаев, правда, очень

редких, эти границы все же в какой-то мере учитывались. В настоящее время 44 % границ государств и территорий проходят по параллелям и меридианам, 30 % — по прямым, дугообразным и кривым линиям и только 26 % — по естественным географическим рубежам: рекам, озерам, горам и долинам» [Райт 1978: 12].

Эту же мысль подтверждает В.А. Субботин. Шефрии и дистрикты¹ создавались иногда с учетом этнических границ, и даже «были приняты меры к тому, чтобы в некоторых случаях этнические границы совпадали с административными. Так, вблизи озер Киву и Танганьика возникли к началу 30-х годов территории баши, бахаву и барага, насчитывавшие по 100 тыс. жителей и более. Подобные территории, правда, были исключением. Подавляющее большинство народов, имевших накануне бельгийской колонизации сравнительно крупные государственные образования, — азанде, лунда, баяка и др. — по-прежнему оставались расчлененными границами территорий и дистриктов [Субботин 1982: 122–123]. Французский ученый Жан-Кристоф Руфен пишет в своих работах, что тезис о том, что границы были проведены по линейке, без учета этнических реалий не всегда соответствует действительности. По линейке границы были проведены лишь там, где зоны были чаще всего необитаемыми или, наоборот, перенаселены. По мнению автора, африканцев больше всего возмущает тот факт, что границы были названы им колонизаторами [Rufin 2004].

В начале XX в. территория бывшего средневекового государства Конго превратилась в поле активного соперничества западных держав. Параллельно с этим колониальные администрации Португалии, Бельгии и Франции занялись перекраиванием этнической карты региона, расселяя различные, в прошлом враждовавшие друг с другом этнические группы. «Тем самым они создавали почву для

¹ Территориально-административная система в Конго была организована на базе кланов. Клан в деревне являлся его первоначальной географической структурной единицей. Клань объединяются в традиционные шефрии и секторы, включающие несколько деревень или кланов. Шефрия отличается от сектора тем, что там, как правило, живут представители одного народа, а в секторе — несколько народов. Шефрии и секторы возглавляет традиционный вождь. Административная единица с шефрией и сектором называется коллективитэ. Далее идут укрупненные объединения — территория (возглавляет администратор), дистрикт (возглавляет комиссар) и самая большая — провинция (возглавляет губернатор). Об этом можно подробнее прочитать в монографии: [Muchukiwa 2000]; а также в статье: [Субботин 1982].

возникновения сепаратистских движений и для будущих гражданских войн, в основе которых лежали межэтнические противоречия» [Токарев 2006: 26].

В результате трехсторонних договоренностей между Бельгией, Англией и Германией в 1912 г. было принято решение об установлении границ соответственно между Конго, Угандой и Руандой. Горный массив Сабийнио, расположенный на территории тогда Королевства Руанда, послужил точкой отсчета или началом демаркационных линий колоний трех стран. Таким образом, на карте появились немецкая Руанда (совр. Руанда), бельгийская Руанда (совр. районы Рутчуру, Гома, Масиси и остров Идживи в оз. Киву в ДРК) и английская Руанда (совр. район Буфумбира, дистрикт Кигези в Уганде). Этот факт находит подтверждение в работе Рене Буржуа «Баньяруанда-Барунду». Автор пишет: «Следуя международным договоренностям 1912 года, руандийский правитель Джуху Мусинга потерял провинции киньяруанды: Буфумбура и Кигези, перешедшие к англичанам, в то время как бельгийцы получили Джомбо, Бвиша (совр. район Рутчуру), Камуронси (совр. район Масиси); кроме того, бельгийцы приобрели также остров Идживи». Шануан Лагер в своей книге «Древняя Руанда» подтверждает эти факты. Он пишет, что «Королевство Руанда потеряла район Буфумбуру в пользу Уганды, а район Бвиша (совр. Рутчуру), Гизари (совр. Масиси) и остров Идживи в пользу Бельгийского Конго». Ш. Лагер продолжает рассуждать, что все эти территории были населены народами баньяруанда, и, попав по воле судьбы в новое административное подчинение, никто из них не думал, что, перемещаясь, нарушает границу будь-то английских или бельгийских владений. К тому же приостановить процесс миграций народов в Африке для воссоединения с родственными племенами в принципе невозможно, и границы между государствами в таком случае не являются преградой, поскольку они разъединяли семьи, кланы, этносы, племена и народы, и не могли устанавливать «железный занавес» между ними.

В 1890 г. по Гельголандскому соглашению были установлены границы Руанды и Бурунди, а в начале XX в. они включены в состав Немецкой Восточной Африки. В 1916 г., когда бельгийские войска оккупировали территорию Руанды и Бурунди, образовалась территория Руанда-Урунди, хотя до этого Германия и прилагала дипломатические усилия по сохранению своих колоний в Африке. Так,

в мае 1915 г. российский посланник в Бельгии И. Кудашев сообщил в Петербург, что германское правительство предприняло через одного швейцарского политического деятеля попытку заключить мир с Бельгией на следующих условиях: эвакуация германских войск из Бельгии в обмен на передачу Германии Бельгийского Конго. Из Брюсселя ответили отказом, заявив, что по соглашению с Францией от 10 (23) декабря 1908 г. право на приобретение Конго имеет Бельгийское Конго [Морозов 2009: 100]. В результате Версальского мирного договора в 1919 г. территория Руанда-Урунди находилась под бельгийским протекторатом. В том же году она была трансформирована в Сообщество наций, а в 1923 г. приобрела статус подмандатной территории Бельгии, закрепленный Лигой наций. Лишь английская Руанда (дистрикт Кигези в Уганде) была вне компетенции Бельгии. После Второй мировой войны в 1945 г. режим мандатов был заменен режимом международной опеки. По решению Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1946 г. Руанда-Урунди была передана под опеку той же Бельгии, и лишь в июле 1962 г. образовались два самостоятельных государства — Руанда и Бурунди.

С развитием африканской государственности, укреплением их национального суверенитета, как утверждает М.В. Райт, политические границы продолжают уточняться, а в ряде районов даже впервые демаркируются на местности, что неизбежно приводит к конфликтам [Райт 1978: 16–17]. Более того, основной принцип оборонноспособности любой страны — неприкосновенность границ — в африканских условиях играет скорее негативную, нежели позитивную роль. В этой связи жесткое соблюдение неприкосновенности границ в Африке приводит к вооруженным конфликтам, увеличивает напряженность между государствами и создает условия сепаратистской политики. Ситуация на первый взгляд парадоксальная, но именно она отражает действительное положение дел в пограничных вопросах африканских стран. Ряд зарубежных исследователей склоняется именно к такому выводу. В первую очередь это Е. Коджо «Африка завтра», М. Дефаржа «Международные отношения. Региональные вопросы», а также Т. Бенмесауд «Нерушимость колониальных границ и государственное пространство в Африке». К тому же границы современных государств Африки стали соблюдаться строже, чем в колониальный период, а их несоответствие этническим территориям является одной из предпосылок напряженности между африканскими государствами.

Как показал 50-летний отрезок времени, начиная от обретения независимости Конго в 1960 г. до настоящего времени границы соблюдались африканцами лишь на бумаге. Внутри Бельгийской Африки всегда происходила естественная миграция народов, как организованная бельгийцами, так и добровольная. Народы Уганды, Кении, Танзании других стран переселялись в Конго, Руанду, Бурунди и наоборот. К тому же миграционные процессы в этом регионе происходили и до колонизации.

Этим воспользовалась Бельгия, переняв у Германии ее план о переселении народов из Руанды и Уганды, который ей так и не удалось осуществить из-за потерь колоний в Первой мировой войне. Сделать это было несложно, поскольку миграция в Африке имела давние традиции, шедшие из глубин веков. В период с 1933 по 1955 г. Бельгия, которая обладала обширными землями в Конго и имела опекунскую власть в Руанде-Урунди, организовала масштабное принудительное переселение народов Руанды в Конго. Об этом подробно пишет конголезец О. Ндешию Рурихоз. Мигрируя на восток Конго, народы «баньяруанда шли в страну своих братьев. Там они находили родственные народы и похожий климат. На новом месте баньяруанда не были ни иностранцами, ни чужестранцами» [Ndeshyo 1992: 9]. В своем труде «Перемещение баньяруанда в Северном Киву» комиссар дистрикта Киву Р. Спиталс писал, что «поощрение миграционного движения в сторону Киву надо было рассматривать как долг-опеку, позволяющий оживлять некоторые необитаемые районы Киву» [Ndeshyo 1992: 9]. Сторонники теории перемещения народов баньяруанда на территорию Конго приводят иногда в качестве защиты своей концепции голод, который стал основной причиной переселения. Однако некоторые конголезские исследователи считают, что голод не был главным мотивом переселения. Так, О. Ндешию Рурихоз утверждает, что это был скорее один из элементов общей колонизаторской стратегии Бельгии в отношении Конго. Для осуществления идеи переселения была организована специальная административная служба, которая называлась «Миссия по эмиграции Баньяруанда», во главе с Р. Спитальсом. В этот период бельгийские колониальные власти переместили десятки тысяч семей в современный район Асаси, Бвито (совр. район Рутчури на востоке ДРК), на территорию Бузи-Зирало, зону Кале, Моба (провинция Катанга, район Шаба). До 1948 г. число переселенцев составило 90 тыс. человек, к 1955 г. оно увеличилась до 160 тыс. человек, а в начале XXI в. достигло 500 тысяч.

Кроме того, на территории Конго проживал народ киньяруанда конголезского происхождения. Эта народность обосновалась там еще в средние века в результате добровольного переселения или в качестве незаконных мигрантов из других стран. Из-за злоупотребления местными вождями, демографического давления и других факторов началось выдавливание этих народов в другие районы. В результате они осели в основном в восточных районах Валикале и Гома.

Важно отметить, что это переселение из Руанды и Бурунди происходило в одном и том же культурном, этническом и административном пространстве под единой властью Главного управления бельгийской метрополии с резиденцией в Леопольдвиле (совр. Киншаса). Оно имело два подразделения: первое занималось территорией Руанда-Урунди, второе — колонией Конго. Таким образом, речь не шла о переселении «за границу». Народы, которые приходили в район Масиси, на месте встречали те же народы, которые жили в Руанде: бахуту, батутси, бахундне. Ни у кого не возникало мысли покинуть одно государство и переселиться в другое, поскольку с 1925 г. Бельгия образовала единое административное пространство из Конго, Руанды и Урунди. Переселившись, эти народы стали активно участвовать в общественной жизни вместе с местными народами, а также в политической и административной деятельности. Иммигранты подпадали под юрисдикцию традиционных конголезских вождей, одновременно утрачивалась власть руандийских правителей. Переселившись в Конго, они также теряли свое движимое и недвижимое имущество, а взамен руандийского удостоверения личности получали конголезское.

С переселенческой политикой Бельгии тесно связано импортирование рабочей силы из Руанды в Конго. Это направление бельгийская колониальная администрация начала практиковать с 1926 г., когда возник вопрос о развитии горнодобывающих компаний в Шабе (предприятие Жекамин) и Киву (предприятия Камитуга и Калима). Руандийские рабочие, заключив контракт, не отказывались ни от своего имущества в Руанде, ни от руандийской национальности. Они время от времени проводили отпуск в Руанде и имели все основания в любой момент вернуться на родину по окончании контракта. Эти временные переселенцы находились под защитой своего государства.

Другая категория переселенцев — беженцы. Начиная с ноября 1959 г. во время политических волнений в Руанде, в канун независимости, много беженцев оказалось в Киву. Официально они были сосредоточены в центрах Бибве (совр. район Масиси), Ихула (совр. район Валикале) и в Калонже (совр. район Кале). За прошедшие полвека эти беженцы полностью интегрировались с местным населением. Лулуабургская конституция 1964 г. узаконила их права наравне с местным населением. В статье 15 этого документа указано, что лица рунда-урундийского происхождения, проживавшие в Конго до 30 июня 1960 г., т.е. до Дня независимости страны, принадлежат к конголезской национальности [Constitution de la RDC 1964]. Позднее, в 2004 г., был принят закон о национальности [Loi 2004], а в 2006 г. новая конституция, которые, казалось, определили и закрепили положения о национальном вопросе. В статье 10 первой главы новой конституции ДРК говорится, что «конголезцем по происхождению считается тот, кто принадлежит к этносам, проживавшим к моменту независимости Конго (Демократической Республики Конго) на ее территории» [Constitution de la RDC 2006]. Тем не менее вопрос о национальной принадлежности постоянно стоит на повестке дня в ДРК и поднимается теми, кто не прочь поговорить о так называемой «чистоте конголезской расы — конголитэ». Известный конголезский журналист Мишель Кипоке в одной из своих статей писал: «Сегодня конголитэ является раковой опухолью, которая гложет нацию» [Kipoke 2006: 15]. Проблема национальности в ДРК — это тоже в определенной степени отголосок колониализма, тесно связанный с пограничными и собственно этническими вопросами, и она пока далека от решения.

В этой статье автор лишь затронул геополитическое наследие колониализма, останавливаясь на наиболее типичных примерах из истории бельгийской колонизации в Африке. Эта тема очень обширная и требует более глубокого изучения. Разумеется, общая картина и выводы могут быть полными в сопоставлении колониального наследия крупных метрополий, таких как Великобритания и Франция. Тем не менее высказанные соображения помогут лучше понять происхождение современных конфликтов в Африке, которые стали прямым следствием ее колониальной истории.

Литература

Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Нью-Йорк: Елима, 2006. 1159 с.

Зусманович З.А. Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894 гг.). М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1962. 355 с.

Летнев А.Б. Общественная мысль в Западной Африке. 1918–1939. М.: Наука, 1983. 280 с.

Субботин В.А. Система колониальной эксплуатации и становление новых социальных сил. 1918–1960 гг. // История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. 304 с.

Райт М.В. Территориальные, пограничные и другие межафриканские конфликты (1960–1978). М.: Институт Африки РАН, 1978. 210 с.

Орлова А.С. Африканские народы. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. 99 с.

Субботин В.А. Система колониальной эксплуатации и становление новых социальных сил // История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 118–162.

Токарев А.А. ФНЛА в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе М.: Институт Африки РАН, 182 с.

Морозов Е.В. Африка в Первой мировой войне. СПб.: Гелион Плюс, 2009. 182 с.

Bilsen A.A.J. van. Vers l'indépendance du Congo et du Ruanda-Urundi, Kraainem (Belgium). First Ed. 1958. 294 p.

Constitution de la République Démocratique du Congo [Официальный документ] // Moniteur congolais. Numéro special, 1 août 1964.

Dète K. Les classe sociales dans le Sénégal précolonial. Pensée, 1966. No 130. P. 11–31.

Kipoke M. La «congolite», cancer de la nation // Afrique Asie. Decembre. 2006. No 13. P. 15.

Loi № 04/024 du 12 novembre 2004 relative a la Nationalite Congolaise [официальный документ] // Journal Officiel de la République Démocratique du Congo. Cabinet du President de la République. Kinshasa, 17 novembre 2004.

Muchukiwa B. Territoires ethniques et territoires etatiques. P.: L'Hrmattan. 2000. 213 p.

Ndaywel è Nziem Isidore. Histoire général du Congo. Bruxelles: Duculot, 1998. 955 p.

Ndeshyo R.O. La Natonalite de la population zairoise d'expression Kinyarwanda au regard de la loi 29 juin 1981. 1992. URL: www.grandslacs.net/doc/0193.pdf Falulte de Droit de l'Universite de Kinshasa (дата обращения: 15.03.2011).

Rufin J.-C. L'Afrique déchirée. 2004. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/afrique/1-afrique-dechiree_498748.html?p=2 (дата обращения 26 марта 2011).